

С. В. Степанов*

**СМЕНОВЕХОВЕЦ ПО ВЗГЛЯДАМ, ЕВРАЗИЕЦ ПО
ПРИЗВАНИЮ, РУССКИЙ ЭМИГРАНТ В БЕЛЬГИИ ИВАН
СТЕПАНОВ ОБ ОБЩЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКИХ
ТЕЧЕНИЯХ ЭМИГРАЦИИ****

Статья посвящена общественным и философским взглядам русского эмигранта в Бельгии, его воззрениям на течения русской эмиграции — сменовеховство и евразийство. Особый интерес представляют философские размышления Степанова о роли Православной Церкви в возрождении России и проблеме воспитания «нового человека», который не подвержен как идеологии советской, основанной на марксизме (материализме), так эмигрантской, основанной на идеях белого движения. Одной из важных проблем мировоззрения автора является проблема «свободного человека», границы свободы и эгоизм как негативное последствие этой части системы ценностей. Дана характеристика его главной работы «Красное, белое и евразийство» (Брюссель, 1927), которая повлияла как на развитие эмигрантской общественной и философской мысли, так и привлекает внимание современных исследователей истории и культуры российской эмиграции.

Ключевые слова: Иван Степанов, Бельгия, Брюссель, эмиграция, евразийство, сменовеховство, военная эмиграция.

S. V. Stepanov

*SMENOVEKHOVETS BY VIEWS, EURASIAN BY VOCATION, RUSSIAN ÉMIGRÉ
IN BELGIUM IVAN STEPANOV ABOUT SOCIAL AND PHILOSOPHICAL TRENDS
OF EMIGRATION*

The article is devoted to the social and philosophical views of the Russian émigré in Belgium, his views on the currents of the Russian emigration — Smenonovekhovstvo and

---

* Степанов Станислав Вячеславович, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет; stepansv4@gmail.com.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00783 «Социально-философская и политическая просветская мысль первой волны эмиграции русского зарубежья в периодических изданиях 20–50-х гг. XX века».

Eurasianism. Of particular interest is the philosophical reflections of Stepanov on the role of the Orthodox Church in the revival of Russia and the problem of educating the “new man” who is not affected by both the ideology of the Soviet, based on Marxism (materialism), and the emigrant, based on the ideas of the white movement. One of the important problems of the author’s worldview is the problem of “free man”, the boundaries of freedom and selfishness as a negative consequence of this part of the value system. A description of his main work “Red, White and Eurasianism” (Brussels, 1927), which influenced the development of emigrant social and philosophical thought, and draws the attention of modern researchers of the history and culture of Russian emigration.

Keywords: Ivan Stepanov; Belgium; Brussels; Emigration; Eurasianism; Smenovekhovstvo; Military emigration.

В изучении феномена российской эмиграции XX в. одним из направлений изучения является выявление и рассмотрение общественно-политической и философской мысли.

В настоящее время в историографии вопроса существует обширная литература, среди наиболее авторитетных укажем на работы М. В. Квакина «Между красными и белыми» [3], М. Г. Вандаловской «Историческая наука российской эмиграции: “евразийский соблазн”» [2], П. Н. Базанова «Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.)» [1] и на одну из наиболее цитируемых книг о русской эмиграции в целом — М. В. Назарова «Миссия русской эмиграции» [5].

Сменовеховцы и евразийцы как эмигрантские объединения вызывали бурный интерес как самой эмигрантской среды, так и исследователей. Исследователь Н. А. Омельченко выделил четырех ключевых для эмиграции авторов, рассмотревших это движение: О. Бесс, Леон Поляков, И. Степанови М. Агурский [6, с. 41].

Одним из представителей общественного движения был юрист Иван Владимирович Степанов (1890–1933/1934), работы которого привлекают внимание как историков, так и философов и культурологов. В известной серии «Русский путь» недавно вышла антология «Красное и белое: pro et contra», подготовленная доктором исторических наук П. Н. Базановым, где републикован фрагмент из главной его главной работы «Красное, белое и евразийство» (Брюссель, 1927), приведены уточненные и выверенные биографические данные [4, с. 552–560, 766–767].

В 1920–1930-е гг. столица Бельгии — Брюссель был одним из центров евразийского движения, наряду с Берлином и Парижем. В 1920 г. Степанов поселился в Бельгии и стал членом полкового объединения Семеновского полка Добровольческой армии, где служил в годы Гражданской войны, участвовал в Бредовском походе армии П. Н. Врангеля. До Великой Российской революции 1917 г. получил гражданское и военное образование, закончил петербургские Училище правоведения (1915) и Павловское военное училище (1916). В годы Первой мировой войны служил в чине капитана Лейб-гвардии Семеновского полка [4, с. 766].

Иван Владимирович возглавлял группу евразийцев в Брюсселе, был одним из учредителей Первого съезда Евразийских организаций, проходившего в столице Бельгии в сентябре 1931 г. В 1920-е гг. он был руководителем брюссельского собрания евразийцев, заседания которого проходили два раза в месяц вечером

в среду в помещении столовой Е. В. Кокошниковой (av. de la Cascade, 24), где выступали священнослужители и общественные деятели, обсуждали вопросы евразийства, культуры Востока и Запада, культурного положения России [7; 8]. И. В. Степанов на заседаниях выступал с резкой критикой фашизма, в декабре 1926 г. он прочитал лекцию «Фашизм» [9].

Помимо общественной работы он вел просветительскую и журналистскую деятельность. Так, в 1927–1928 гг. сотрудничал как корреспондент с газетой «Рассвет» (Таллин), в бельгийских русских журналах публиковал свои работы о евразийстве (в частности в журнале «На заре» (Брюссель) опубликовал в виде статей отдельные главы своей книги). Как отмечает исследователь русского зарубежья П. Н. Базанов, Степанов примыкал к левому флангу евразийского движения, был одним из основателей органа Объединения пореволюционных течений — «Утверждения» (Париж, 1931–1932) [4, с. 766]. В ночь с 31 декабря 1933 на 1 января 1934 г. он покончил с собой, отравившись газом.

Единственной крупной работой автора является книга «Белые, красные и евразийцы» (1927). В книге под символическим названием выражено все критическое отношение автора как к представителям одного лагеря, так и другого, помимо разбора отношений между представителями общественных и политических течений, он детально перечислил ошибки в стратегии создателей и деятелей белого движения.

Идеи сменовеховства стали ключевыми для текста общественно-политической и философской работы уже с первых ее строк:

«Белое» как система идей никогда не существовало. «Красное» провалилось и нелепость его ясна. Остались «белые» и «красные», задача которых объединится под одной системой идей будущего, независимо от того или иного участия в ошибках прошлого [10, с. 3].

Уже в этих строках автор вступает в конфронтацию с «белыми» и «красными» как системами ценностей, историческими путями развития России. Он выступает как «судья», анализируя спустя десять лет после революционных потрясений развитие новой, Советской России и Русского Зарубежья.

Работа написана человеком, прошедшим военную службу, хорошо разбиравшимся в военной науке, о чем свидетельствует и высказывание автора в начале: «Теперь окончена вооруженная борьба. Опубликованы воспоминания главнейших деятелей и участников гражданской войны и *рядовому военному* (курсив мой. — С. С.) легче разобраться в хаосе тыла, которому он на фронте не мог уделять должного внимания» [10, с. 5]. Образование профессия оказывают существенное влияние на формулировки разделов — «тыл», «патриотизм», «добармия», «технизация и военизация». В книге Степанов конкретно разбирает свое отношение к важнейшим понятиям, будоражившим умы русских людей в эмиграции: «общественность», «идеология», «Европа», «патриотизм».

Будучи по призванию евразийцем, Степанов конкретизирует свое понимание главной идеи:

...евразийство выделяет и раскрывает те стороны русской современности, которые обращены в будущее и развитию их хочет всемерно содействовать. Во имя

новой России-Евразии, новой русской культуры и мощи и новой руководящей идеологии, евразийство ведет решительную борьбу и с коммунизмом и с дореволюционными идеалами реставраторов, сочетая в себе традиции подлинно исторического русского охранения с подвижностью и практичностью современного политического действия [10, с. 35].

Как евразиец он понимает, что большевизм по своей природе отразил чаяния народной массы, по их мнению — евразийские, поэтому смог победить в революционном хаосе событий 1917 г. и Гражданской войне.

В отношении идей сменовеховства он разделяет радикальные взгляды части русской эмиграции, при этом не поддерживает идеологию коммунизма, которой симпатизировали многие представители движения. Степанов пишет:

Любящий свою Родину должен стремиться к свержению коммунизма без нового всеобщего хаоса, без Гражданской войны, ибо страх перед этими бедствиями вынуждает многих держаться за коммунистическую власть. Падению коммунизма должно предшествовать широкое общественное движение проникнутое новой идеологией строительства будущего [10, с. 38].

Он размышляет над понятием «свободный человек», который в процессе неправильного развития перерастает в эгоиста, который находится в центре мира, а государство и социум лишь обслуживает его потребности. Перед ним возникает проблема перевоспитания человека, но не так, как это было сделано в Советской России, где

формально коммунисты взялись за это дело и с детства стараются политически воспитывать людей. Безнравственное и изуверское коммунистическое учение естественно дает самые печальные результаты. В 1920 году Каутский предсказывал, что воспитательная проблема не под силу коммунистам и что под их властью вырастет эгоистическое поколение со всеми пороками мелкобуржуазной среды [10, с. 36].

Особый взгляд имеет Степанов на самобытность русского народа, на его отличие от традиций европейской и восточных культур. По его мнению, другое, отличное от европейского предназначение человека — вот особенность русской культуры:

Стать самим собой, вот смысл жизни русских. Русский народ исключительно разнообразен и оригинален. Максим Горький находит, что в России и *сами дураки обладают какой-то своей оригинальной глупостью, а лентяи подчас гениальны* (курсив мой. — С. С.). <...> Русским не подходит психология «буржуа». Ставши «буржуа» он перестает быть русским. На Западе теряется оригинальность. <...> Может быть с политической точки зрения русские представляются анархистами, настолько каждый самобытен. Эта исключительность русской природы не подчиняется западным формам и попытки применить у нас западные шаблоны не имеют и не имели успеха. Небольшой слой, воспринявший чужие формы отрывается от масс [10, с. 39].

В этой связи Степанов показывает неизбежный отрыв правящей политической элиты, большей части интеллигенции, знакомой с западным образом жизни и мышления:

Так было с правящим слоем петербургского периода, так происходит сейчас и с коммунистами. Культурное единение верхов с низами состоится лишь тогда, когда верхи откажутся от навязывания чужеземных шаблонов и сумеют органически связаться с массами, осознав единый культурно-исторический процесс народной жизни [10, с. 39].

Степанова как русского эмигранта волнует философский смысл слов «беженство-кочевничество», он фактически отождествляет эти понятия, делая любопытное историческое сравнение:

Кочевой элемент наших предков в какой то мере осознал нас в нынешних условиях. Отсутствие оседлости и свобода от связей с имущественной собственностью дали какой-то новый тип русского кочевника. И в России и в Зарубежье потерялась эта материалистическая привязанность к месту. В среде этого русского кочевника создался особый сравнительный, критический метод оценки. Встречи и беседы русских богаты замечательными наблюдениями и заключениями. Роскошь поверхностных наблюдений туриста несравнима с выводами тех, кто болезненно, так сказать, душой и кровью запечатлел виденное [10, с. 59].

В отношении будущего России автор достаточно скептичен в прогнозах, не уповает на развитие городской культуры, а подлинное возрождение связывает с сельской культурой, ее укладом и мирозерцанием: «Будущее России построит сельский работник. Может быть сельский священник, вероятнее — сельский учитель» [10, с. 49]. В этих словах заключена одна из главных мировоззренческих черт его мышления, отражающая умонастроения части не только русской эмиграции, но мыслящих людей в России.

Важной составляющей мироощущения Степанова, воспитанного в традиции православного канона нравственности и мирозерцания, являются Православие и Церковь, выделенные в отдельные разделы.

Для Степанова, как он сам отмечает,

высшее счастье на земле — это ощущение радости жизни и радости бытия. Когда человек идет в церковь просить Бога о помощи, когда он преследуем горем или ищет защиты... во всем этом нет подлинной церковности. Истинная церковность заключается в восприятии мировоззрения церкви и не с просьбами (неизбежно земными) надо идти в церковь, а с целью сближения с остальными в церкви живущими (в духовном смысле) людьми. Для истинно верующего человека не может быть горя, ибо страдания земные несоизмеримы с благим горением веры. Любовь жизни, любовь к людям, состоит в постоянном стремлении передать окружающим осознание радости бытия. Истинное счастье человек достигает тогда, когда он дает радость другим. В католической церкви каждый молится за себя, в православной каждый молится о всех [10, с. 57].

В дальнейшем автор размышляет о понятиях «грех» и «церковность» как выражении отождествления человека и церкви:

Единственное страдание верующего — это скорбь о тех, кто не дошел до познания веры, ибо для того — жизнь страдание, ибо познавая лишь материю он тем самым ей подчиняется. Первый грех — гордость, и мнящие себя церковно-безпорочными наносят вред церкви. Формальная церковность — зло последних

столетий православной церкви в России. Оцерковление духовной жизни — цель [10, с. 57].

В Церкви Иван Владимирович видит спасение от излишнего научно-технического прогресса, повсеместной замены ручного труда (в т. ч. и умственного) машинным, она представляется для него оплотом духовности и духовной жизни для человека, чье развитие только и возможно в ее лоне.

Спасение мира от негативных последствий революций, как научно-технических, нравственных, так и социальных, Степанов видит в развитии евразийства как надполитической и надидеологической системы ценностей, где единственным мерилom закона и этики поведения личности может выступать только Православная вера. Она, кпишет Иван Владимирович, выводит

Евразию на великодержавный путь разрешения современных мировых задач: спора материалистической культуры Запада с религиозными культурами Востока; борьбы трудящихся с капитализмом; проблемы равенства народов и спасения духовной, свободной, личности человека от обездушивающего рабства механизации. На смену царствования безбожных коммунистов и капиталистов, наступит Евразийское Православное Советское Царство Трудящихся (выделено мной. — С. С.) [10, с. 63].

В этом отношении его евразийские взгляды полностью совпали с идеями сменовеховства среди русских эмигрантов.

Одним из ключевых понятий для Степанова является принцип «соборности», волновавший русскую мыслящую эмиграцию, в т. ч. и евразийцев:

В основе Евразийства лежит принцип соборности. Отсюда идея содружества народов. Идеал — вселенский человек. Перемена мировоззрения. Не личное благо, а благо всего человечества, защита угнетенных, осознание всеединства, торжество Правды — вот основы евразийского мировоззрения. Социализм мыслит благо общего во имя личного — евразийцы же рассматривают индивидуальное благо с точки зрения общего. Не равенство, а братство. Не право, а Правда [10, с. 56].

Для Степанова, современное ему общество, как советское, так и западное, является эгоцентричным, где во главу всего успеха, прогресса поставлен человек и его личные интересы. Для него «соборность» — спасительный путь, где дух коллективизма, одолевает личность, поработленную собственными страстями и пороками.

Другим важным принципом, характерным для православного христианина, является «бытовое исповедничество», которое Степанов трактовал как необходимое дело каждого евразийца (для него евразийство имело религиозный смысл, он сам сравнивал его с проповедью Иоанна Предтечи). Степанов выступает с призывом ко всеобщей исповеди русской эмиграции:

...«изменитесь», ибо только в этом случае возможно обрести духовный покой и радость бытия. Вопрос заключается не в перемене условий жизни и стремлений или забот — вопрос в том, что в окружающем и в переживаемом для нас важнее всего и какие восприятия жизни мы выдвинем на первый, и какие на задний план. Человек в этом отношении творец своего мира и волен быть тем, чем хочет. Меняются масштабы, но не сущность [10, с. 51].

Если это положение его мировоззрения вызывает закономерные сомнения, то более верной в общеполитическом смысле является призыв «Каждый должен осмыслить свое существование и выйти из круга пошлых ощущений. <...>Надо стать художником своего бытия. Не подчиняться, а подчинить свою эволюцию» [10, с. 51].

В ходе изучения текста книги можно составить представление о том, что ее автор — военный и общественный деятель-эмигрант, хорошо знакомый как с трудами деятелей белого движения (А. И. Деникина, П. Н. Миллюкова), так и с работами представителей социал-демократического направления, в т. ч. К. Каутского.

Свои познания и размышления Степанов публиковал первоначально в виде статей в русских эмигрантских журналах Эстонии и Бельгии, где находили отражение его общественно-политические взгляды, размышления о русской эмиграции, которые впоследствии были воплощены в самобытной работе «Красное, белое и евразийство».

В мировоззрении Степанова русский народ самобытен и оригинален, ему чужды ценности западной цивилизации, у него другой путь. Русскому человеку необходимы самопознание и самоанализ для определения дальнейшего вектора развития — «не хотим в России ни коммунизма, ни капитализма» [10, с. 6]. Дальнейший путь общества и государства в России Степанов видел в развитии подлинной духовности на базе ценностей Русской Православной церкви, в возвышении сельского мирозерцания над городским, чуждым русскому народу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базанов П. Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств, 2008. — 467 с.
2. Вандаловская М. Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». — М.: Памятники исторической мысли, 1997. — 349 с.
3. Квакин А. В. Между белыми и красными: русская интеллигенция 1920–1930 годов в поисках Третьего Пути. — М.: Центрполиграф, 2006. — 411 с.
4. Красное и белое: pro et contra: антология / сост., вступ. статья, коммент. П. Н. Базанова. — СПб.: РХГА, 2018. — 800 с.
5. Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. 2-е изд., испр. — М.: Родник, 1994. — Т. 1. — 414 с.
6. Омельченко Н. А. В поисках России: Общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах российской государственности. — СПб.: Изд-во РХГИ, 1996. — 549 с.
7. Русский еженедельник в Бельгии. — 1926. — № 18, 28 октября.
8. Русский еженедельник в Бельгии. — 1926. — № 19, 4 ноября.
9. Русский еженедельник в Бельгии. — 1926. — № 23, 2 декабря
10. Степанов И. Белые, красные и евразийство. — Брюссель: [б. и.], 1927. — 63 с.